

— Сначала о полученной нами поддержке. Это, что театрално экспериментировать хорошо и разумно — это никак не право из вынужденности. По уставу МХАТ СССР им. Горького пьесы выбирает сама коллекция. Он не принимает постановлений спектакля или либо дает разрешение на его показ зрителю, либо нет.

— Сегодня принято высказывать само слово «трагедия». Одна из классических форм драмы. Трагедия — это не право из вынужденности. По уставу МХАТ СССР им. Горького пьесы выбирает сама коллекция. Он не принимает постановлений спектакля или либо дает разрешение на его показ зрителю, либо нет.

Хорошо зная и любя историю нашего театра, мы стремимся приблизиться к тем высотам. Поэтому и сегодня нашу репертурную линию определяют русская классика, лучшие зарубежные классические пьесы. И, конечно, современники: Распутин, Дударев, Белов, Радвинский. Поэтому сейчас играют пьесы Чехова «Три сестры» и «Вишневый сад», «Макбет» Шекспира, булгаковские «Зойкина квартира» и «Полоумный Журден», Горький, Островский, Метерлик, Достоевский.

В чем сила произведений классиков? Их можно считать чуждыми или чуждыми. Естественное, тут много зависит от личности постановщика, от его позиции — человеческой, гражданской. Глазный режиссер Театра имени Франко из Киева Сергей Даченко, поставивший у нас «Вишневый сад» в 1987 году, из тех режиссеров, которые умеют подлинно литературу и знают, что такое Чехов. Основатель театра для Даченко в «Вишневом саду» — это любовь к своей земле и безграничное несчастье потерять ее. С моей точки зрения, тема спектакля должна быть подобна проповеди в церкви, иначе театр — я имею в виду драматический — не имеет смысла. (Спектакль, если хотите, — это проповедь добра). Так вот «проповедь», которую воплотил Сергей Даченко в «Вишневом саду», — проповедь любви и своей земле. Зритель и важно, чтобы эта любовь и зритель прослушал и чтобы он, зритель, хотя бы немного подумал о том, как эту землю охранять и сберечь. Театр — это ведь боги за сердца и души зрителей.

— Эта проповедь звучит и в другом нашем спектакле. Замечательный современный писатель Валентин Распутин несколько лет назад написал произведение-предупреждение, которое назвал «Прощание с Матрбиной». Ставя «Прощание с Матрбиной» вместе с талантливым иркутским режиссером Андреем Соколовым, мы специально выбрали писателя до зрителя. И я была счастлива, что Борисов работал не только честно, но и со знанием дела, квалифицированно. Он выстрадал эту тему, она не была для него отвлеченным понятием. Дарью в спектакле исполнила наша замечательная актриса Анастасия Павлова Георгиевская, о потерях которой я хочу сказать несколько слов.

— Если говорить откровенно — нам вообще не везет на талантливых людей. За три года коллектив познакомился с целой лавиной новых молодых режиссеров, актеров, артистов. В Борзе иловский, известный всему миру подлинный художник, личность в искусстве. Он поставил пушкинского «Пророка» по материалу В. Неполюдиной. На мой взгляд, это стихотворение Пушкина — «юноша и отечественной литературе, и Достоевскому, Распутину, Астафьеву». Упрек в некомпетентности репертуража мы слышали только от себя. Мы его обновили. Почему мы решили показать зрителю пьесу белорусского писателя А. Дударева и Бутер день... («Свалка») Да потому, что актер с большой силой и эмоциональностью говорит о самых злободневных проблемах нашей жизни. Разве страна не

превращена сегодня в свалку? Пьеса интересна и тем, что ее герои являются мальчишкой, вернувшись из Афганистана, афганцами. Публика замечательно приняла этот спектакль. Когда мы были с ним на гастролях в Киеве, был переполнен, среди зрителей было множество женщин, матерей, которые или еще ждали своих сыновей с той жестокой, бессмысленной войной или уже никогда не дождутся. Некоторые приходили специально для того, чтобы отдать должное уважения автору, который издал «афганца». Это была своего рода демонстрация солидарности всех матерей...

— Никогда последующее поколение не могло соответствовать предыдущему. Мы создавали в своих ритмах, сегодняшняя молодежь — в своих. Другое дело, как всесторонне воспитывать молодежь, как прививать ей вкус, чтобы в этом безумном ритме она не видела свое единственное отклонение. Это уже дело всех средств массовой информации, литературы, школы и институтов. Я знаю слишком много причин,

иравствность этого боя очевидна. Говорю об этом не беспреступно, а пройдя за три года вместе с театром через черный ходик под названием дезинформация в печатных органах. В коллективе я на всех собраниях говорю: «Крикунту — давайте работать лучше, а как реагирует наш зритель? А он после каждой отрицательной статьи устраивает орады более продолжительные, чем обычно. Соучастующий нам зритель, не имея выхода в печать, присылает письма в театр и мы эти письма выкладываем на стенде как рецензии.

— Мы в чем боимся? Что не устраивает интеллигент и говорящих? Существование двух МХАТов? Тогда обвинение не по адресу. Стремление О. Ефремова разделить МХАТ им. М. Горького было его давнишним желанием. Оно нашло поддержку в Министерстве культуры СССР и было закреплено приказом. С теми, кого хотели, О. Ефремов перешел к отремонтированному и отремонированному зданию по проекту Художественного театра. В чем виноват

брани не была. За назначение директором тоже проголосовали коллектив, и по моему настоянию — да.

— У меня нет оснований в прессе. Зато у меня есть род Ярославской области, есть работоспособность, идущая от крестьянства, есть верба и есть мое имя. И я со всем своеобразием бесlessly перед клеветой и ямим. Счет, самый больше серьезный, надо предъявлять именно и интеллигентам. Утверждается один интеллигент над другими, даются постановления, социализмом. Союзом, обещания, созданные для помощи людям физического труда, обернулись борьбой взаимных льгот, зарубежные поездки. Борьбу направляют выливая творческое бремя очень многих. Сегодня появилось двоякое мнение политиков от искусства. Искусство потеряло, а политика не приобрела.

— Мы совсем не случайным своей репертура, и, конечно, онем, насколько актуальна сегодня мифология «Мам-

ми, искренними людьми, которых мы видели во время гастролей и в 1987 году, вдруг становится, если верить среднему массовой информации, землей негодной, жестокой, местом для побоя, голодовки студентов — мне просто хочется плакать. Но это в действительности так происходит, я не знаю.

— За тридцать лет работы пришлось побывать почти во всех уголках страны. Куда бы я ни приехал, я всегда привлек внимание, какой бы национальностью люди ни были. Для меня не существует вопроса национальности. Потому что у меня особая профессия. Если я буду разделять, расчленять зрителей на национальности, я забуду не только себя лично, и забуду свою профессию. Для меня язык для артиста не является. Почему же получилось так, что люди аступили в состояние боя? Кому пришлось в голову высказывать людей друг на друга по национальным мотивам?

— Я заметила: сегодня призывают к поляканию более всего те, которые грешат

ских деревьев, уничтожение земель, полей, которые возделывали наши с вами деды и прадеды. Я помню отчаяние, когда дедушка привозил на эвакуацию из Ленинграда в Ярославскую область, какие деревни стояли. Мужики не было, все на фронте. Работали старики, женщины, подростки. Почти все, что удавалось вырастить, собирали — «Все для фронта, все для победы». И они, эти женщины с ребятишками, оставались с детьми на выживание и умирать собирались. Пшеницу, рожь, чьмем. Помню удивительные льняные поля... А сейчас ничего этого нет, все уничтожено. И произошло это беда не только в Ярославской области.

— Для нашего поколения военное детство определило многое. Оно определило, что осталось в памяти — удача или неудача, собирать Ленинград — чудо, собирать лодки под осенним дождем — твою обязанность, отогреть карточки (а в войну были только хлебные и никакие других) — счастье. Письмо от отца — уже великое благо дарение господу богу, что слеп и сохранил, что молитва услышана.

— Сегодня нет войны и нет молчания благодарения. Потому что вместо Великой Отечественной — война нашего детства — идет «невеликая отечественная война» на нашей земле. Словесные бои обернулись разрухой, голодом, ростом преступности, наркоманией, национальными вопросами и раздорами, кривотолпками. Красное слово интеллигента потеряло свой истинный смысл.

— Я никогда не позволила бы себе жаловаться на судьбу и знакомить широких читателей со своей жизнью и жизнью своих близких, но я не позволила энтузиазмом газетным сочинителям мариать мое имя и, следовательно, мой чести. Но, к сожалению, сейчас, создавая чуждыми руками с сердцем открытым и сострадающим. Моя война «заработана моими нервами», моей болью и способностью существовать в своем деле предельно. И мне нужно, чтобы люди, которые поверили в меня, не сожалели об этом.

— Сегодня, как говорят, есть проблемы с молодежью. Но у нас в театре этой проблемы нет. Наши молодые отлично работают, серьезно верят в смысл своей профессии и в то, что «правда еще найдет себя и красиво восторгуются». Зачем мариать эти ребята? В прессе появилось понятие «окружение» Дорониной, то есть те, кто тоже-де виноваты в ее состоянии, тоже должны получить свое и покаяться. Мне окружение — это те артисты МХАТ им. Горького, которые остались за бортом «большого корабля, у которого было свое плавание», то есть за стенами МХАТ в производстве художественного театра. Это те, которые в меня поверили, и мы вместе работали четвертый сезон и три сезона вместе держим первене места среди театров страны.

— Я уважаю их стойкость, их талант и их смелость. Они едины сегодня, явив во времена, которое не подлежит обсуждению. Это относится к Зинину, Губавову, Пенялову, Горобушу, Дижу, Юрдиной и остальным тоже. Они не «окружены», они осуждены несущими на своих плечах эту тяжелую репертура, который интерес зрителей. Без них не было бы нашего МХАТ-а с его девизом «Назад к Сталинскому, к русскому реализму» и подлинно гуманистическому, которое столь необходимо сейчас. Они не «окружены» и работают вместе со мной. И мы верим, что после отъезда дала, верим в нашу публику, любим ее.

— Итак, о нашей публике. Поклон вам, вердикт в нас, наполняющим нам зал своим дыханием, своим слезами, своим смехом и божеушной тишиной в те моменты, когда нам удается сыграть по высшему классу нашей профессии. Спасибо за письма, благодарности и за эти последние дни после окончания спектаклей. Спасибо за цветы, за «держаться» за мы с вами.

— Нам не все удается, но у нас есть главное — коллектив художников, артистов, коллектив работников театра, которые за трудом, которые не видят зритель, которые не нам делают доброе дело, нужное сегодня.

— Театр — для зрителя, наших современников. В этом оправдание нашего труда. Занесено А. ГОЛОВЕНКО.

«Театр — это бой за сердца зрителей»

Наш собеседник — художественный руководитель, директор МХАТ СССР им. М. Горького народная артистка СССР Татьяна Доронина

Иды перестройки дали театральным коллективам право самим формировать свой репертур, избавили их от цензурского надзора, от жесткой опеки инстанций. Театральный эксперимент поэзии, желанная свобода, казалось бы, обречена. Но как зритель я часто вижу, что в некоторых театрах, кроме новых повешенных цен на билеты, мало что изменилось. А уж спектакли «на злобу дня» можно пережить по пальцам. Что об этом думает художественный руководитель одного из старейших русских театров? С этого вопроса началась наша беседа с Татьяной Дорониной. «Беседа» — скажем, пожалуй, неточно. Это был страстный доронинский монолог — о театре, актерах, зрителях, о нашем «окаянном» времени...

...которые есть у этого поколения, чтобы жить именно так. Что сегодня имеет молодежь? В школе — несоразмерную нагрузку обучения, урезанные часы по литературе, музыке и другим предметам, лишние учителя, главные классы, которые они почему-то сами должны убирать, отсутствие спортивных площадок и пр.

— Рынок начался у нас с самого изобретения — с видеосалона, куда хлынула импортирующая Запада. «Детица до 14 запрещена» — это чисто условно, это для формы. Детство многих мальчишек и девочек уже отравлено видео. Кто, наконец, всерьез научит нас объяснить, что душа обязана трудиться? Что она, эта душа, и есть самое главное в человеке?

— На нашем спектакле для детей «Синяя птица» я вижу внимательные глаза мальчишек и девочек, и слышу их смех. Они редко ходят в театр, потому что лет восьмидесяти. Даже в Москве только один музыкальный театр для детей во главе с самозваной Натальей Сац да Центральный детский, который скоро будет реконструирован и отремонтирован. Но еще несколько утратили спектакли за взрослых. Сколько раз может среднестатистический ребенок посетить театр за все свое детство? Меньше одного раза! Как питать детские души, как наполнить их сердца добром и чистотой, нравственностью? — Гласность сегодня — для избранных, для тех, кто активен в словесных боях. Без-

...были народные и признанные Анастасия Георгиевская, Леонид Губавов, Михаил Зинин, Любовь Пушарова, Петр Чернов, Юрий Леонидов, Галина Калининская, Клементина Ростовева и еще сандефест с лицами человек, которых их заложили?

— Я никогда не унываю до того, что называемся личными счастиями. Я могу молча перенести любую критику, касающуюся творческой работы, спектаклей, ролей, моей исполнимости. Но за три года не нашлось печатного органа (если не считать информацию в газете «Труд»), который осмелился бы написать правду о ситуации на МХАТ. А правда-то в одном: «нужная труппа отсталала единство МХАТ, видела, что от разделения театр ничего не приобретает, но потерит». Сам раздел безразличен, спорен, принципиально. Говорю об этом потому, что дезинформация продолжается по сей день, и нашу труппу обвивают в том, в чем она совсем не виновата, — в желании отделиться от МХАТ.

— Помню свой разговор с Георгием Александровичем Толстоноговым за семь месяцев до его смерти. Он мне сказал: «Если поправится, первые спектакли, который я поставлю, — в нашем театре». Поставлю Горького. Вы же театр Горького. Он все помнит. Ситуация с нашим театром тоже не элеала, как написано было в очерковом отпусе. Выбрал меня коллектив театра. Участвия в выборах не принимала, и в этом со-

...ета, где главное — проблемы власти. По-настоящему, главный резкое: ступичного центра на Юго-Западе Валерий Белкович и олегиче выбрали Валерий Белкович, Клементина Ростовева и еще сандефест с лицами человек, которых их заложили? Вкус в власти, желание самоутвердиться, аста в над кем-то, сколько один из эгоистичных бедствий. Но для того, чтобы аста в над кем-то, нужно быть умнее, талантливей, организованней, честнее. Однако русские и власти, как правило, люди, которые этим чертам почти не обходят, и они кого-то «воспринимает», кого-то не воспринимают. И это все выстает на площадке, на заседаниях Верховных Советов. Часто новорожденным глазом видна малая их профессиональная подготовка, невысокий интеллектуальный уровень. Многие совсем не воспитаны гражданами, но им очень хочется власти.

— В какой мере, кто и кого поднимает сегодня на посты, которые можно назвать «преступлением»? Мы все время говорим о положении в Карабахе, Армении, Азербайджане, Грузии, Прибалтике. Но чтобы походить со знанием дела, нужно иметь под рукой информацию. Мы этой информацией не располагаем.

— Мне безумно жаль и Азербайджан, и Армению, и Грузию, и Прибалтику. Я очень люблю Украину. И то, что сейчас так происходит, это моя личная беда. Когда родная, прекрасная земля с ее привлекатель-

...сейчас и грешили во все времена. В этом для них — акт отмежвания, инвентаризации, желание «раствориться» в тех, кто не грешит и не виноват в бедах сегодняшнего дня.

— В чем должны вальсы миллионы моих сограждан? Что сотворились рано? Что мужья, искаленные войной, умирали раньше, не отжили свой срок? Что не пришли братья и сестры с войны, а пришли полкаландиями, организованней, честнее. Однако русские и власти, как правило, люди, которые этим чертам почти не обходят, и они кого-то «воспринимает», кого-то не воспринимают. И это все выстает на площадке, на заседаниях Верховных Советов. Часто новорожденным глазом видна малая их профессиональная подготовка, невысокий интеллектуальный уровень. Многие совсем не воспитаны гражданами, но им очень хочется власти.

— Зоологические проблемы — это не только потерянные леса, отравленные реки, захваченные люди. Это уничтожение рус-